

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА

К 75-летию
со дня
рождения
Н. К. ЧЕРКАСОВА

НАРОДНЫЙ АРТИСТ

«Жизнь для волнения дана: жизнь и волнение — одно», — писал Баратынский. Для неуемного творческого волнения дана была жизнь артисту Николаю Константиновичу Черкасову. Так он и прожил свой не слишком долгий век.

...Было объявлено в Ленинграде, что в такую-то, уж не помню, в какую именно, юбилейную дату, посвященную Театру оперы и балета имени Кирова, в балете «Спящая красавица» роль Короля исполнит Н. К. Черкасов, к тому времени уже прославленный актер драмы и кино. Естественно, это было воспринято на уровне сенсации.

— Зачем это тебе, Коля? Ты же и так очень занят. Ты потратишь массу времени на репетиции. Зря ты согласился.

— Ну что ты, Шура, во-первых, если они просят меня выступить, значит, это театру нужно, во-вторых, — добавил он, посмеиваясь, — интересно и в балете сыграть, а? Как ты думаешь? — и подкрепил свои слова балетным па. — А, в-третьих, я ведь там начинал свой сценический путь. Ведь было время...

...Да, было время, когда я мальчишкой лет двенадцати «зайдем» пробирался в этот театр, сидел на галерке на одном стуле с товарищем, ошеломленный талантом Шаляпина. И не знал, не чувствовал я тогда, что присутствует на сцене и тот, еще не различимый в группе безвестных статистов, с кем, наступит время, сведет меня счастливый общий труд, он, еще начинающий, но уже присягнувший на верность своей актерской профессии, Николай Черкасов. Да и он, разумеется, не ведал, что где-то на галерке торчит юнец, который будет с ним «искать образ», репетировать, подсказывать и кричать: «Браво, Коля, браво! Спасибо тебе!»

Ему были подвластны все жанры актерского мастерства, колдовская магия перевоплощений. Не забыть, каким являлся он в фильмах, поставленных нами вместе с Иосифом Хейфицем: вот бездумно шагает на экране Колька Лошак из «Горячих денечков», долговязый парень, глуповатый и полуграмотный, а вот — семидесятипятилетний всемирно известный ученый, профессор Полежаев из «Депутата Балтики», каждое слово которого проникнуто высокой интеллигентностью, гуманизмом, сразу принявший Октябрьскую революцию; и вот он же, Черкасов, в роли ее свирепого врага — барона фон Унгерна в фильме «Его зовут Суха-Батор». Вспоминается и старик сторож Лукич с его строптивым бормотанием — один из персонажей фильма «Во имя жизни».

Неугомонный в поисках достоверности и острой выразительности, Черкасов с одинаковым увлечением и сознанием своей ответственности перед делом, которое любил, перед зрителями исполнял и главные роли, и небольшие эпизоды. Его герои были людьми разными, достойными и недостойными, но всех надо было знать, обо всех поведать, одних воспеть, других обличить — таково служение театра и кинематографа обществу, таков долг актера.

Черкасов был одержим своими ролями. Дома, в гостях, за столом, у реки с удочкой, в театральном буфете — вдруг являлся неожиданный жест, улыбка, поворот головы — не его, Черкасова, а кого-то другого, кто, овладев фантазией актера, тревожит его, еще только пробиваясь в сознании, прорезаясь в движении, в интонации.

Возвращаясь со студии «Ленфильм» к себе домой, Черкасов нередко по дороге ненадолго заходил к нам, усталый, но всегда обуреваемый новой ролью, и проигрывал эскизы образа, в котором начинал жить уже не для экрана, а для сцены. По комнате в современном одеянии размахисто, крупно шагала

Петр Первый из пьесы Алексея Толстого, семенял тощей Осип из «Ревизора», пьяно окал отец Варлаам из «Бориса Годунова», и вдруг:

— Шура, поставьте с Хейфицем Паоло Паганини!

И тонкий, длинный, вдохновенный виртуоз выхватывал из футляра мою детскую скрипку-половинку, гибким движением руки, удлинненной смычком, пластикой своей рождал неслышную, но, черт возьми, волнующую музыку. Ах, как мог он сыграть этого гениального музыканта, его триумфальную и горькую судьбу! Мне кажется, Черкасов никогда не учился музыке, но он садился за рояль, играл куски из «Хованщины» Мусоргского или из Рахманинова и обливался слезами.

Кто знает теперь, о каких ролях мечтал Черкасов, чьи образы волновали его, подкошенного проклятым недугом? Тяжко подумать, что на какое-то время в изнеможении он оставался один на один с собой, он, актерские создания которого рождались благодаря его чувственному восприятию жизни, упоенной влюбленности в многообразные явления действительности, благодаря доброму отношению к людям, населяющим эту действительность.

Он легко и как-то естественно вдохновлялся. Он раздавал свое искусство, не скупясь, пригоршнями бросал его людям, наслаждаясь восторгом окружающих. А окружающие были самые разные.

Помню, однажды в Коктебеле, вернувшись со съемки в горах (он играл Дон Кихота в одноименном фильме Григория Козинцева) в Дом творчества писателей, где его поселили, Черкасов узнал, что заболела моя дочка. После утомительной съемки к концу рабочего дня он изнемогал от солнца, от тяжести лат, от копы, от грима и парика — ему бы теперь отдохнуть, спокойно набираться сил к завтрашней работе, — но, заметив грустное лицо большого ребенка, Николай Константинович сначала показал фокус, ловко распорядившись пластичностью своего усталого тела и лица, потом спел песенку из фильма, потом станцевал эксцентрический танец Пата, потом сыграл какую-то сценку... Так для одной шестилетней девочки знаменитый артист дал концерт. Хотел помочь — вот и все. С щедрой постоянной готовностью он откликался на просьбы о помощи, жил среди людей равнодушно и заинтересованно.

Его избирали депутатом Верховного Совета СССР. Он приезжал в Москву, постоянно отягченный чужими нуждами. Одному нужна была прописка, другому — жилье, надо было не забыть о звании до третьего, подтолкнуть вопрос о дополнительных ассигнованиях для театра... Часами сидел у телефона или куда-то мчался, напоминал, сердился, просил.

Мрачнел и переживал неудачу, либо сиял, если хлопоты увенчивались успехом, и непременно тут же импровизировал беседу с тем, за кого хлопотал. Такова была его творческая актерская потребность.

Черкасова волновал не только человеческий образ в искусстве, но и человек в реальной жизни. Именно это, видимо, помогало ему, актеру, проникать в психологию своих героев — глубокое внимание к людям и тонкое актерское мастерство питали его творческую природу. Поистине, чтобы создать человека в искусстве, надо уметь сострадать.

И еще он обладал редким и драгоценным качеством — уважал чужой труд. Собственная слава не затмевала значения чужих усилий.

...Вскоре после войны на студии «Ленфильм» снимался фильм об изобретателе радио, руссом ученом А. С. Попове. Играл его Черкасов. Помню, как в один холодный день, насквозь продуваемый ветром, я встретил на трамвайной остановке Николая Константиновича, до озабоченных глаз закутанного теплым шарфом. Я знал, что он болен и что ему предписан постельный режим.

— В Кронштадт я. На съемку. В группе, понимаешь, не хватает машин, — объяснял торопливо, не отодвигая шарф от лица. — Надо добраться до гавани, а уж оттуда попутный катер всегда добросит меня до Кронштадта.

— Коля, у тебя же температура повышена. Куда ты собрался в такую-то непогоду!

— Иначе нельзя. Неудобно как-то. Массовку и так едва собрали. Неудобно. Люди старались.

И он втиснулся в подошедший трамвай.

...А потом была премьера этого фильма, его создатели выходили на сцену. Публика бурно аплодировала. Великий артист Черкасов низко поклонился зрителям.

И приходит мне теперь на память прочитанные мною не так давно строки:

«Артист все кланяется и кланяется. По скулам его стелкает пот, ноги его дрожат, как у коня после жестокого бега. ...Артист все кланяется, все кланяется. А мгновение назад держал он горсти этих людей, швырял их на землю, к звездному ветру их поднимал, великими делал и жалкими... И непонятно мне, почему он теперь кланяется, а не люди падают перед ним на колени».

Александр ЗАРХИ,
Герой Социалистического
Труда, народный артист
СССР.

● Н. Черкасов. 1959 г.

Фото Б. Виленкина.